

Черный Араб

ДЛИННОЕ УХО

Сама родится новость в степи или прибежит из других стран — все равно: она, крылатая, мчится от всадника к всаднику, от аула к аулу.

Случается, джигит задремлет, и опустит поводья, и вот-вот прозеваает новость.

Нет! Лошадь, увидев другого утомленного и задремавшего джигита, сама свернет и остановится.

— *Хабар бар?* (Есть новости?)

— *Бар!* (Есть!)

Лошади отдохнут, всадники поболтают, понюхают табак и разъедутся. Миражи, как в кривом зеркале, отразят везде их встречу. Лишь у границы степи и настоящей песчаной пустыни новость чахнет, как ковыль без воды.

И рассказывают, будто земля лежит без травы и новостей серо-красная, и такая там тишина, что звезды не боятся и спускаются на самый низ.

Добрые люди мне посоветовали на время пути назваться арабом, и будто бы я еду из Мекки, а куда — неизвестно. «Так, — говорили, — скорее доедешь: и сунулся бы кто поболтать — нет: араб ничего не понимает ни по-русски, ни по-киргизски». Я пустил этот слух, и вот побежало по Длинному Уху:

«На пегатом коньке с лысинкой едет Черный Араб из Мекки и молчит».

Новость побежала, как буран по степи, до настоящей пустыни, до тишины, до серо-красной земли, до низких звезд.

Но и туда, говорят, забегает оседланный конь. Там дикие кони без подков неслышно перелетают от оазиса к оазису, будто

желтое облачко. Оседланный увидит их, скосится на спящего хозяина, брыкнет задом — и прощай!

— Хабар бар? — спросят дикие.

— Бар! — ответит подкованный.

И по-своему расскажет о Черном Арабе и пегатом коньке. Конь — по-своему. Я — по-своему.

Содержатель соленого озера — есть и такая должность — пустил слух из своего домика:

«Проезжему арабу из Мекки нужен зачем-то киргиз, знающий по-русски, пара лошадей и тележка».

Скоро под окном кто-то постучал и сказал:

— Араб здесь?

— Здесь араб! — ответил я и выглянул в окно.

Там, на берегу соленого озера, стояла тележка и два сытых коня, а у окна — киргиз в широком халате и с нагайкой в руке.

— Что нужно? Откуда узнал обо мне? — спросил я его.

— От Длинного Уха, душа моя, — ответил этот киргиз и засмеялся.

Сверкнули белые, как сахар, зубы из-под алого сочного колечка губ, лицо закруглилось, желтое, как спелая дыня, глазки исчезли в узеньких щелках.

Мы долго чему-то смеялись.

У него все хорошо: и лошади, и тележка, и все кошечки, и все веревочки — все в лучшем виде.

— Моя лошадь телом не жирная и не очень сухая, масть вороная и саврасая. Чистые слова, — говорил Исак, мой будущий переводчик, спутник, товарищ.

— Чистые, чистые, — повторял я за ним.

— Ты, душа моя, верь мне, — просил он, — другой станет хвалиться: «Вот моя лошадь!» — а я такой привычки не имею.

Мы скоро поладили.

Стали укладываться, собираясь в далекое странствование, сотни верст от почтового тракта, по кочевым дорогам.

— Что, как убьют? — спросил я.

— За что убьют? — ответил Исак. — Раз мы их верблюда не трогаем, раз мы их лошадь не задеваем, какое им дело!

И вот, уложив сухари и всякие дорожные вещи, прикрутив крепко-накрепко все кошечки и мешки, перекрутив все еще

раз веревками, мы с Исаком — в тележке. Карат и Кулат бегут размеренной рысцой, а назади в поводу мой пегатый конек. Показались на горизонте степные всадники. Длинное Ухо насто-рожилось.

— Хабар бар? — спрашивают одни.

— Бар! — отвечают другие. — Араб сел в тележку, а пегатый конек с лысинкой трусит назади.

Солнце согрело эту старую, зябкую по ночам землю, и теперь всюду полетели миражи. Телеграфные столбы почтового тракта ушли от нас, колыхаясь, как караван верблюдов. Зато головки гусей на длинных шеях вытянулись, и стоят на берегу соленого озера, и сверкают на солнце, будто фарфоровые чашечки телеграфных столбов.

Наша кочевая дорога вьется двумя колеями, поросшими зеленой придорожной травой, вперед и назад одинаково, словно это две змеи вьются по сухому желтому морю. Озеро — одно из тех обманчивых озер пустыни — блестит, как настоящее озеро. С воды поднимается птица и летит нам навстречу, размахивая двумя большими крыльями.

И вдруг будто сдунуло. Ни озера, ни птицы, ни верблюда — все будто рукой сняло.

Собака бежит нам навстречу, болтая ушами, как тряпками.

— Ка! — кличет ее по-своему Исак.

Собака, радостно взвизгивая, подбегает. Мы останавливаем лошадей. Желтая и тонкая, как пружинка, степная борзая собака. Она смотрит на нас ужасным для животного, раздвоенным взглядом, угадывая: мы или не мы?

— Ка! — зову я собаку.

Не мы! Она взвизгивает и мчитя. Но сил нет, а впереди без конца дорога, как две змеи.

Она садится на сухую землю и воет.

— Ка! Ка! — кричим мы в последний раз и трогаем лошадей.

Собака бежит к нам покорная, навсегда наша. И по виду будто довольна и ничего с ней не случилось: не все ли равно, какому служить хозяину; впереди, как назади. Степь-пустыня везде одинакова. Степное большое солнце везде светит ровно, не мигнет, не заблудится за деревьями.

Свет и тишина... Собака бежит покорная. Но вой остался в пустыне, и раздвоенный взгляд остался. Длинное Ухо услышало вой, и миражи заметили, как смотрела собака, потерявшая хозяина.

Пусто!

Для кого же светит в степи такое богатое и открытое солнце?

Тень одинокого облака, бродя от черепа к черепу, от косточки к косточке, будто указывает: вот для кого светит солнце в пустыне, — они тоже по-своему жили и выли, и недешево досталась пустыне ее светлая тишина с миражами.

К полудню солнце в степи белеет. Мы останавливаемся у колодца попить лошадей. Исак расстилает халат и молится богу. Карат, Кулат и Пегатый в ожидании, когда кончит Исак молиться, согнули головы и звездой смотрят вниз, в отверстие колодца: нельзя ли самим достать воду, а может, видят в этой воде, похожей на кофе, утонувшего степного зайца или крысу.

— Алла, алла! — шепчет Исак, падая на халат, и опять поднимаясь, и опять падая.

Его желтое лицо то сольется с сухим ковылем, то опять покажется на синем небе. Попадает, попадает, проведет ладонями по бороде, поднимет узкие, чуть-чуть раскосые глаза к небу и замрет, сложив ладони.

Даже кобчик не побоялся упасть в это время на птичку возле самого халата Исака, но промахнулся и помчался в степную даль. Исак будто и не заметил и все стоит на халате, ладони по-прежнему набожно сложены, но глаза без молитвы мчатся за птичкой.

В синеве заколыхалась большая белая чалма.

— Алла, алла! — быстрее замолился Исак.

— Мулла едет? — спрашиваю я, когда он повесил халат на тележку.

— Узбек на верблюде, — отвечает Исак.

И опять все сдунуло: не мулла, не узбек, а женщина-джигит, повязанная белым платком, мчится на коне.

Она потеряла мальчика.

— Не видали ли мы ее мальчика? — спрашивает женщина.

— Мы никого не видали, — ответил Исак, — только вот при- стала собака. Не ее ли эта собака?

— Нет! — ответила женщина, спросила что-то Исака, меня, посмотрела на лошадей.

— Она спрашивает, — перевел Исак, — не видали ли мы ара- ба на пегатом коне, — не он ли унес ее мальчика?

Исак на это ответил:

— Араб сидит тут в тележке и курит, а Пегатый стоит у ко- лодца.

Тогда женщина, несмотря на все свое горе, спросила:

— Куда едет араб, зачем?

Исак объяснил ей:

— Араб едет из Мекки, молчит, не он украл мальчика, а ско- рее всего, *Албасты*, желтоволосая бесплодная женщина.

Наездница, как бы в ответ на это, хлестнула коня нагайкой и умчалась.

Мне тоже захотелось сесть на своего Пегатого и тоже быть причиной миражей, как эта женщина.

И вот я — степной джигит. На голове у меня малахай из ме- ха молодого барана, обшитый сверху зеленым бархатом. На но- гах мягкие козловые ичиги и сверх них тяжелые полуваленые, полукожаные саптомы. Полы бешмета обернуты вокруг ног и прижаты к седлу. Черный просторный халат закрывает и беш- мет, и седло, и половину коня. В правой руке у меня нагайка, в левой — повод. И весь я в этой одежде, такой широкой, сижу на маленьком пегатом коньке с лысинкой. По виду — киргиз, по слуху — араб, еду и сею миражи.

Опять на горизонте показываются всадники Длинного Уха. Два пустились мне наперерез. Но я их обману. Мне стоит только толкнуть тяжелыми саптомами Пегатого в бока, и края малахая на голове заворачиваются назад, как уши у гончей. Ветер свис- тит. Конек кипит. Степь оживает. Она не мертвая: она вся живая от конца до конца и вся поднимается, вся отвечает человеку.

— Берге (сюда), джигит! — кричат назад.

Я оглядываюсь. Оба всадника стоят на дороге далеко позади: у одного палка с петлей для ловли лошадей. С той стороны к ним подъезжает Исак.

— Хабар бар? — спрашивают они, когда мы съезжаемся.

— Бар! — отвечает Исак.

И рассказывает им по-своему, указывая пальцем на меня. Вот они видят теперь не мираж, а настоящего араба, слушают своими собственными ушами повесть о нем и наслаждаются.

— Ио-о! — восклицает один.

— Э! — отвечает другой.

Только и слышно, что «о» да «э».

Чуть было и о деле не забыли. Как же! Они потеряли верблюдицу. Не видали ли мы их верблюдицу?

Нет! Мы верблюда не видели. Собака пристала. Видели женщину, потерявшую мальчика, а верблюда не видели.

Но все-таки джигиты уезжают очень довольные: посмотрели на живого араба! Теперь, через десять лет, через двадцать, если они приедут на это место, называемое *Сломанное Колесо*, то вспомнят араба со всеми подробностями: что малахай у него был зеленый и бешмет серый, а халат был подпоясан красным кушаком, и на лбу у Пегатого была лысинка.

Я поберег свою лошадку и сел опять к Исаку, и опять мы трусим по кочевой дороге и смотрим миражи.

До вечера у нас было еще несколько встреч. Возле местечка *Закопанный Колодец* нас остановили два джигита и долго говорили с Исаком.

— О чем говорили? — спросил я.

— Все о той же верблюдице, — ответил Исак.

Вторая встреча была возле пересохшего ручья, когда от камней и черепов на степь легли вечерние тени.

— Про что теперь говорили? — пытал я Исака.

— Да все про ту же верблюдицу, — ответил он.

Под самый вечер мы увидели в степи тележку с опущенными оглоблями и подумали: «Это оставила женщина, потерявшая мальчика». Все встречные всадники потом до самого заката спрашивали о женщине, потерявшей мальчика, и рассказывали, что у верблюдицы волк утащил верблюжонка.

Когда солнце совсем близко подошло к степи, с чистого места поднялись три гуся — признак близости озера. А когда наконец Исаку непременно нужно было омыться перед вечерней

молитвой, мы подъехали к большому, но сильно заросшему камышами пресному озеру.

Солнце будто бы стыдится вечером, думают киргизы-магометане: оно краснеет, потому что когда-то его считали за бога. Исак молится не солнцу, как хочется думать, а невидимой отсюда Каабе.

— Алла, алла! — падает он на халат.

Два последние всадника, рассказывавшие о волке и верблюдице, тоже сходят с коней. Вот на красном небе показались их черные халаты, и вот они сами то покажутся с воздетыми к нему руками, то сольются с землей.

— Алла, алла!

Теперь вся степь расстилает халаты и шепчет: «Алла!» У всех лица озарены заходящим солнцем, и только степные храмы-могилы все такие же черные.

Пока Исак молится, я хочу пройти к озеру. Оно чуть не на версту заросло камышами. По еле заметной тропинке я вступаю в их лес, скрывающий от меня все. Тут, в этих зарослях, водятся гуси, ночуют дрофы; волки, наскоро оторвав у баранов жирные курдюки, закусывают и отдыхают. Тигры — намного южнее; но все-таки в полумраке такого сухого леса жутко.

Тропинка сворачивает в другую сторону от Исака, уводит от озера, опять куда-то сворачивает, приводит к яме, наполненной водой, и опять ведет неизвестно куда.

Слепая тропинка.

Какая-то незнакомая птичка насвистывает.

«Что это за птичка такая? — думаю я. — Никогда в жизни не приходилось слышать таких голосов. Мне непременно нужно увидеть эту птичку». Итак, я иду по слепой тропинке. Везде по сторонам в сухих камышах пугающие шорохи, и впереди то затихающий, то вновь зовущий голос незнакомой птички.

Я иду скорее, бегу от наступающей в камышах тьмы, сбиваюсь с тропинки, ломаю с треском камыши, падаю и, наконец, ясно вижу красный свет заходящего солнца и редкую черную сеть последних камышей.

Никакой птички за камышами нет. Между мною и красным диском солнца — черный купол степной могилы, высокий,

как храм. Возле могилы движется стадо баранов, отливая красными на солнце курдюками, и с ними степенно едет старик-пастух верхом на быке, посвистывая, будто птичка, и покрикивая:

— Чу!

— Берге! — кричу я старику, чтобы он подъехал ко мне и посмотрел с быка, где Исак.

Старик и бык услышали.

— Чу! — крикнул старый на баранов.

Все стадо повернуло и двинуло ко мне. А за стадом — бык и старик.

— Руки, ноги здоровы? — приветствую я по-киргизски старика.

— Аманба, — отвечает он.

— Скот здоров?

— Аман. А как твои руки и ноги и твой скот? — спрашивает меня старик по-своему.

— Аманба. Аман, — отвечаю я.

Больше этого я ничего не могу сказать по-киргизски, а только показать рукой на камыши, где Исак.

Глазу доброго быка между рогами и приговариваю:

— Джаксы, джаксы!

Старик смотрит в камыши с быка; увидел Исака, обрадовался, понял.

Глазу доброго старика и приговариваю:

— Джаксы, джаксы, аксакал, хороший, хороший старик.

И он, добрый, слезает.

А я сажусь сам на быка, окруженного теперь множеством горбоносых баранов с отвислыми нижними губами, бородатых и рогатых козлов, овец, коз, ягнят, и во весь дух кричу над озерными камышами Исаку.

Исак давно отмолился и едет сторонкой, следя за мной по шевелящимся верхушкам камышей. Машет рукой. Зовет к себе.

Я свищу на баранов.

— Чу! — кричу на быка. — Берге, — зову старика.

Курдюки баранов колышутся, как резиновые подушки, козлиные рога между ними, словно живые вилы, все идут, бородастый козел впереди, старый киргиз позади — и так мы шествуем навстречу Исаку.

Недалеко, весь на виду, аул этого старика, несколько грязновато-белых шатров. Хозяин звал нас к себе переночевать, обещался зарезать для нас ягненка, но мы отказались: старик бедный, в ауле грязно, а тут у озера хорошо, и погода отличная. Старик что-то много рассказывал Исаку, помогал нам собирать сухой помет — кизяк — для костра и очень благодарил за несколько кусков сахара и сухарей.

— Что он рассказывал? — спросил я потом Исака.

— Все про того же араба, — ответил Исак, — про женщину, потерявшую мальчика, и про верблюдицу.

Ночью будто бы дочь этого старика хотела поправить мальчика в люльке, хватилась — нет мальчика; бросилась вон из юрты, а там на пегатом коне мчится с мальчиком в степь араб. Будто бы около этого же времени верблюдица хватилась верблюжонка, заревела и, не помня себя, унеслась. За ней ускакали женщина и сыновья. Так и остался хозяин аула на старости лет один пасти баранов.

Исак все рассказал бедному старику об арабе, уверял его, что мальчика унесла Албасты, желтоволосая бесплодная женщина, не араб, а верблюжонка — волк. Старик будто бы, по словам Исака, под конец поверил и сказал:

— Йо-о, Худай! Раньше, бывало, бесплодные женщины ходили ночевать и молиться в святые горы Аулие-Тау, за сотни верст, и великий Худай посылал им за это деток, а вот теперь стали красть мальчиков у бедных людей. Йо, Худай!

Так и уехал от нас старик, покачивая головой и приговаривая:

— Ох уж эти бесплодные женщины!

ПЕГАТЫЙ

Когда и как загорелась первая звезда, мы не заметили. Пока разговаривали со стариком, солнце садилось, и все время в ауле на красной заре дрались два козла. Старик угнал свое стадо в аул, а мы стали готовиться к ночлегу в степи. Попоили лошадей и покормили, надев им на морды мешки с овсом. Когда возились с лошадьми, воробьи слетелись к тележке; одни уселись спокойно на краю спинки, подставив грудки красному закату, дру-

гие бегали по тележке и переговаривались о всех событиях дня в степи. Потом мы вытащили из тележки кошму, сухари, чай, сахар, мясо и все разложили в степи. Подняли вверх оглобли тележки, перевязали ремнем и от ремня на уздечке почти к самой земле спустили чайник с озерной водой. Этот чайник Исак аккуратно, почти любовно обложил со всех сторон шариками сухого конского помета и поджег. Струя вечернего ветра как раз из-под тележки слегка поддувала, и под чайником горело синеватое пламя.

В это время в ауле остатки семьи старика возились со стадами. Что они там делали, нам было не видно: вероятно, доили коз, кобылиц и верблюдиц. У них там кто-то пел, и так просто и однообразно, будто это шалун-мальчишка позвякивал ручкой ведра. Под звуки этой песни стада постепенно ложились на землю. И вот, когда опустились два верблюда, и весь скот сравнялся, и песня смолкла, тогда я увидел первую звезду. Ее будто спустили к нам на серебряной нити — такая она была большая и низкая.

— Чолпан! — сказал Исак. — Пастушеская звезда восходит, когда стада возвращаются с поля, и меркнет, когда стада уходят утром кормиться. Самая хорошая наша звезда.

Она, конечно, была на небе давно, но мы ее заметили только теперь. Другая звезда всегда есть на небе, если первая замечена, а приглядеться — есть и третья, и четвертая.

Еще немного, и вот уже везде ворожат над нами созвездия.

Вдруг все изменилось. Чайник вскипел и брызнул из носика на кизяк. Зашипело. Исак встрепенулся и снял чайник. Тогда изнутри этой маленькой башни, сложенной из сухих шариков, в освобожденное от чайника место вырвалось беспокойное красное пламя. И небо, все это небо, с его большими пустынными низкими звездами, исчезло от маленького земного, но близкого нам пламени.

Исак на это не обратил внимания, заварил чай и привесил на конце уздечки котелок с водой для мяса. Как только котелок с водой прикрыл беспокойное пламя, небо снова открылось.

Чай настоялся. Мы сидим с Исаком друг против друга, поджав ноги по-восточному, и пьем чай вприкуску из китайских ча-

шек без блюдецек, придерживая их снизу пальцами. Теперь мы говорим о звездах попросту.

Что я могу сказать об этой звезде? — указал Исак кусочком сахара на небо.

— О какой? — спрашиваю я, — об этой? — И тоже своим кусочком сахара указываю на Полярную звезду.

Исак мычит в знак согласия и кивает головой.

Что я могу сказать Исаку о Полярной звезде? Да, она неподвижная.

— И по-нашему она неподвижная.

— И у нас и у вас одинаково! — удивляюсь я.

— Все это видно на небе с древних времен, — отвечает Исак, — и у нас и у вас, везде одинаково. У нас она называется Железный Кол. А что можно сказать о двух звездах, яркой и тусклой, недалеко от Железного Кола? — спрашивает опять Исак.

— Это две звезды в хвосте Малой Медведицы; я о них ничего не знаю.

— Это два коня, Белый и Серый, — объясняет мне Исак, — оба привязаны за Железный Кол и ходят вокруг него, как Карат и Кулат вокруг тележки. А эти семь больших звезд, — указывает Исак на Большую Медведицу, — семь воров хотят украсть Белого и Серого коней, а они не даются и все ходят себе и ходят вокруг Железного Кола. Когда семь воров поймают Белого и Серого коней, будет конец миру. Все это видно на небе с древних времен. Все звезды что-нибудь значат.

— А эта кучка звезд? — указываю я на Плеяды.

— Эта кучка звезд — овцы, испуганные волком. Знаешь, как овцы от волка собираются?

— Неужели и волк есть на небе?

— Да вон же волк, душа моя!

И показывает мне кусочком сахара волка на небе.

— На небе как на земле! — говорю я, удивленный.

— Как в степи, — отвечает Исак, — вон и мать тоже ищет ребенка.

— Может быть, есть и араб?

— Э-э!

— И Длинное Ухо?

— Э-э!

Мы молчим. Звезды тихо мерцают над нами, будто дышат, будто заметили нас возле тележки, и улыбаются, и шепчутся; и от звезды к звезде и по всему Млечному Пути такая большая семейная радость.

Звезда у звезды спрашивает, как джигиты в степи:

— Хабар бар?

— Бар! Араб чай пьет под звездами.

Исак зажигает от кизяка сухую тростинку. Он хочет ею осветить котелок и узнать, не поспело ли мясо. Отрезал ножом кусочек, пробует.

Котелок снят. Костер пылает. И неба со звездами опять будто и нет. Земное пламя освещает нашу тележку и небольшой круг сухой травы на степи.

Мы расстилаем грязную тряпку вместо скатерти и едим по-киргизски: прямо руками, швыряя кости нашей собаке. Она где-то во тьме под тележкой хрустит. Карат и Кулат шуршат травой. И какая-то большая птица все укает над нами и укает. Поравняется с нами, укнет, и опять надолго пропадет, и опять укнет. Это птица Юзак, будто бы жених, потерявший невесту.

Сверкнул какой-то огонек, похожий на зигзаг тлеющей спички. Фыркнули кони. Волк!

Мы стреляем по огоньку: снопы красного огня летят в тьму. И на гул выстрелов отвечает лай собак и гомон в ауле.

— Где лошади?

— Тут.

Заливаем плавающие шарики конского навоза остатками чая. Небо открывается нам на всю ночь. А месяц, будто венчик святого, показывается на краю степи. И в свете его на другом краю неба гаснут Плеяды — испуганное стадо овец, и волк, и мать, потерявшая ребенка, и часть Млечного Пути. Остаются только самые крупные звезды.

Ложимся по ту и другую сторону тележки на кошме. Под подушкой у меня малахай, в ногах — саптомы, сбоку — ружье, сверху — вторая теплая кошма. На стороне Исака кормятся Ка-

рат и Кулат, на моей — Пегатый. Чуть что — нужно сбросить с себя кошму и выстрелом пугать волка.

Вот я теперь ясно вижу, как птица Юзак, тоскующий по невесте жених, совершает свои большие круги под звездами; вот он над нами укает, вот дальше, вот не слышно, и опять приближается. Ищет, зовет, укает, но все по тем же и по тем же кругам. Безнадёжно печальны эти стоны тоскующей птицы высоко над пустынной землей, но ниже звезд.

Карат подошел и чешется о тележку.

— Чу, Карат! — кричит на него Исак.

Лошадь переходит на мою сторону, к Пегатому. Теперь на моей стороне два коня. На небе четыре вора из семи один за другим медленно спускаются вниз, надеясь в эту ночь обмануть Белого и Серого коней у Железного Кола.

«Отчего тут звезды такие большие и низкие?» — думаю я, заворачиваясь в кошму. И кажется мне — оттого это, что земля тут подо мной такая сухая и старая. Чем старше земля, тем будто ниже и звезды. Чего им бояться?

— Чу, Кулат!

Открываю кошму. Второй конь переходит на мою сторону, а Пегатый ушел далеко и чуть виднеется, окруженный блестящими мороза на ковыле, будто звездами.

Не слишком ли далеко ушел Пегатый? Подняться? Холодно. Исак спит.

Я надеваю на голову малахай, хочу встать, но вместо этого заворачиваюсь кошмой, согреваюсь дыханием и опять думаю: «Не слишком ли далеко Пегатый ушел по этим звездам?» Вот промчится желтое облако диких коней — и прощай Пегатый!

Хочу встать — не могу.

А Пегатый будто вот уже и подходит на самый край степи-пустыни. Земля серо-красная. Звезды спускаются и лежат. Мчится желтое облачко диких коней; увидели Пегатого, остановились, ржут, зовут. Звезды колышутся, поднимаются и опять опускаются, как искры, потревоженные лодкой на море. Пегатый согнул крутую шею, искоса, одним глазом смотрит на хозяина возле тележки.

«Спит ли? — спит!»

Высоко сверкнули подковы над степью-пустыней.

От оазиса к оазису перебегают дикие кони. Останавливаются при встрече.

— Хабар бар? — спрашивают старые.

— Бар! — отвечают молодые. — У края степи, возле самой пустыни спит Черный Араб, а пегатый конек с лысинкой здесь.

— Это там, на простой земле, он пегатый и с лысинкой, — поправляют старые мудрые кони, — а здесь его имя пусть будет отныне и до века — гнедо-пегий конь с белой звездочкой.

СТЕПНОЙ ОБОРОТЕНЬ

Рамазан, девятый месяц лунного года, был на исходе. В ясное утро показались степные горы, как высокие синие палатки великанов-кочевников. Степь взволновалась, дорога стала неровной; ведро с водой, привязанное нами к дрожине, расплескалось и зазвенело.

— Это хребет земли, страна *Арка́*, — сказал Исак. — Счастливая страна! Тут баранина жирная и кумыс пьяный, как вино, — лучшая в мире страна для пастухов.

Семь юрт у подножья горы, будто семь белых птиц, уснули и спрятали между крыльями головы. У колодца, обложенного камнями, сидит девушка и стрижет овец.

— Примет ли нас Джанас? — спрашиваем мы, как язычники спрашивали Авраама в земле Ханаанской.

— Примет...

Вот он сам, седой, старый, выходит из юрты с двумя сыновьями. Все трое одеты в шкуры молодых жеребят. Старик прикладывает руку к сердцу.

Руки здоровы. Ноги здоровы. Овцы здоровы, верблюды, кони — все здорово и у них, и у нас. Слава богу, аман!

Сыновья приподнимают войлочную дверцу юрты. Отец, кланяясь, просит войти; девушка со звонкими подвесками бежит к колодцу стричь овец.

В юрте пастухов — будто внутри воздушного шара, и даже есть вверх отверстие, которое можно открыть и закрыть.

Наверху круг еще синего неба; внизу на земле три черных, обожженных камня с рогулькой — очаг. За очагом, против входной двери, обращенной к Каабе, устлано ковром место для гостя, а тут же, рядом с ковром, растет ковыль. Кругом все увешано.

Сам хозяин подает гостю воду омыть руки. Сыновья держат наготове полотенце. Один из них глядит на гостя острыми и дерзкими глазами; у другого больше заметны и кажутся почему-то добрыми его желтые босые ноги и растрепанная копна волос. Вспоминается: Каин был земледелец, Авель — пастух.

В степи еще солнце: когда войлочная дверца открывается и кто-нибудь входит — слепит глаза, и потом долго плывут фиолетово светящиеся склоны и огненные табуны. Входят поочередно все родственники хозяина, похожие друг на друга. Войдет и сядет, поджав ноги, у очага, войдет и сядет, и кажется, кто-то читает из большой древней книги: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...

Но приглядеться — они не все одинаковы: у одного, очень толстого, такая маленькая тюленья голова; у другого, тоже толстого, с губ висят черные крысиные хвостики; у третьего, толстого, хвостики обкусаны; четвертый — поменьше всех и лицо медно-красное.

Они все сидят кругом от кровати до хомута и молча глядят и жуют.

Вот уже целый месяц я блуждаю в степи по кочевым дорогам, и со мною блуждает мой двойник, Черный Араб. Длинное Ухо от края до края разнесло о нем весть. Едет из Мекки, но куда — неизвестно. И вот наконец попался.

— Куда едет араб?

Со всех сторон впиваются зоркие степные глаза. Где-то сверкает из полуоткрытого рта белый и острый зуб, будто готовится раскусить араба, посмотреть, что в нем. И вот уж один сел близко-близко, смотрит так долго и пристально, что, устав, валится на подушку и храпит. Другой подвинулся...

Довольно миражей...

— Я не араб!

— Йо-о! — воскликнул толстый с тюленьей головой.

- Йо! Алла! Он не араб! — заговорили другие.
И все разинули рты.
- Кто же он? Что ему нужно?
- Ему ничего не нужно, — объясняет Исак, — это ученый, он не берет от степи ничего: ни твердого, ни мягкого, ни горького, ни соленого.
- Йо, Худай, не дух ли это предков, *аурах*?
- Нет, он ест сухари, пьет чай, спрашивает о траве, о барахах, о звездах, о песнях, охотится, сам варит, ест, как киргизы, руками, богу не молится.
- Шайтан! — шепчет толстый с крысиными хвостиками.
- И не шайтан, — уверяет Исак, — шайтаны злые, это ученый из Петербурга, добрый...
- У него не мягкий ли палец на правой руке? — спрашивает толстый с обкусанными крысиными хвостиками.
- У кого в большом пальце правой руки нет костей, тот Хыдыр, святой.
- Смотрят на руку, трогают палец — палец у меня твердый. Гость — не араб, не аурах, не шайтан, не святой.
- Исак им объясняет и час и два; лица краснеют, глаза горят, но тайна Черного Араба по-прежнему не разгадана.
- Все щелкнули языками:
- Джок! Нет, непонятно.
- Входят в юрту новые и новые люди, все присаживаются к очагу, глядят, спрашивают, и все щелкают языками и говорят:
- Джок! Нет, непонятно.
- Чуть колышется войлок юрты: кто-то снаружи прокапывает в нем дырочку, и вот уже там блестит узкий и черный глаз. Посмотреть туда пристально — скроется, отвернуться — опять глядит. Нагляделся досыта, исчез; дырочка засветилась, как звезда. Теперь этот глаз, наверно, уже встретился со многими такими же узкими черными глазами. Там собрались все женщины, шепчутся — и араб, как *степной оборотень*, превращается из мельчайшего, в булавочную головку, джинна — в ужасную Албасты. И кто знает? Быть может, тайна Черного Араба сейчас тут же, в кустах чиевника, готова остановить поцелуи влюбленных;

быть может, бесплодная женщина, собираясь отправиться ночевать в святые горы, смутила свои чистые мысли?

Но все кончилось просто.

Кто-то спросил:

— Есть ли отец у гостя?

Все обрадовались простому вопросу и подвинулись.

— Есть отец.

— А мать?

— И мать есть, и братья, и сестры, и бабушка, и дедушка, все равно как и у вас в степи.

— Все ли живы?

— Все живы, и все живут в Петербурге.

— Йо! — радуется старик, похожий на Авраама.

— Сколько же там в Петербурге домов?

— Тысячи!

— О! — вырвался из открытых ртов общий радостный крик.

— А есть ли в Петербурге бараны? — спросил Авраам.

— Есть, но там не с курдюками, как в степи, а так.

— Как так?

— Без курдюков, с козлиными хвостиками.

Как искра, перелетела улыбка с губ переводчика внутрь этих открытых ртов с белыми, острыми зубами. Загорелись пороховые склады под широкими халатами, и наш воздушный шар будто лопнул и разорвался в клочки — так хохочут в степи!

Тот, уснувший на подушке, вскочил, протирает глаза, спрашивает, что случилось.

Ему отвечают:

— В Петербурге бараны не с курдюками, а с козлиными хвостиками.

Он падает на подушку в судорогах, как подкошенный. Падают назад, на спины, хватаясь за животы: и тонкий с медно-красным лицом, и толстобрюхий с крысиными хвостиками, и похожий на него другой толстый, и тот, что с тюленьей головой, и молодец с раздвоенной бородой, Авраам и даже Исак. Приподнимутся, посмотрят на гостя, и опять лягут, и кольшут своими животами халаты. Кто может, подвигается поближе и по-

глаживает добродушного, прежнего таинственного и страшного, Черного Араба.

И слышно, звенят за тонкой стенкой монеты на косах. Не боятся влюбленные в кустах чиевника. Не смущаются мыслями бесплодные женщины в святых горах. Он не страшный, этот Черный Араб, и будто жил он тут всегда, тысячи и тысячи лет.

ОРЕЛ

Верхами на маленьких лошадаках, похожих на куланов, едем мы к пустынной горе Карадаг ловить охотничьих орлов, беркутов. У меня к седлу привязана орлиная сеть, у спутника моего Хали в руке приманка: кровавое дымящееся сердце только что убитого нами горного барана *архара*. В долине горы Карадаг мы ставим орлиную сеть так, чтобы падающий камнем за добычей орел мог свободно залетать в ее отверстие и остаться в сети, бессильно распутив крылья. Внутри этого сетяного шатра мы оставляем кровавое сердце и сами прячемся в ближайшей пещере.

До рассвета в темной пещере знаменитый охотник на беркутов Хали мне рассказывает про орлов, как они на охоте ловят зайцев, ломают спину лисицам и, если с малолетства приучать, даже и волка останавливают. До рассвета мы шепотом беседуем про орлов и, когда начинает светлеть и черная гора наверху зацветает, видим, как один орел делает круг над нашей долиной. Полет его такой спокойный, — кажется, это мальчишки змей запустили и где-то держат невидимую нам нить. Он сделал круг над нашей долиной и скрылся на вершине горы: конечно, заметил добычу, но сразу взять не решился. Верно, он там посоветовался со своими или проверил хозяйство, обдумал, стоит ли рисковать. С тревогой, затаив дыхание, ждем мы в своей пещере орлиного решения и вот видим, орел вылетает, делает еще круг, на мгновение как бы останавливается в воздухе над ловушкой и вдруг камнем падает на кровавое сердце архара, и нам в пещере слышен шум падающего орла.

Да, он упал...

Мы спешим к ловушке, он упал и запутался, но пока повадки своей орлиной не бросает: клюв открытый, шипит, сердито нахохлился, запрокинул назад голову, и глаза мечут черный огонь. Но Хали не обращает на это никакого внимания, обертывает орла сеткой, как рыбу, подвешивает к седлу, и по блестящим искоркам осеннего мороза-утренника мы возвращаемся в аул с богатой добычей.

Мы радость привозим в аул: не часто попадают в сетку орлы, и за хорошие деньги можно сбыть его богатому Мамырхану, любителю охоты с орлами. Только перед тем, как продавать, конечно, нужно приручить орла и приучить к охоте.

И вот мы приручаем орла и приучаем его ловить зайцев, ломать спины лисицам и, может быть, если орел окажется очень хорош, на всем ходу останавливать волка.

В нашей юрте от стены к стене мы протягиваем бечеву, посредине сажаем орла, привязываем его лапы к бечеве, надеваем на голову кожаную коронку и закрываем ею глаза. Слепой и привязанный орел сидит на бечеве, балансируя, как акробат, а веревочку нарочно всегда шевелят и дергают, чтобы ни на одну минуту орел не успокоился и не пришел в себя: он должен себя самого навсегда потерять и свое совершенно слить с волей своего хозяина. Орел должен сделаться таким же послушным, как собака — друг человека.

Вокруг юрты, прислонившись спинами к подушкам, сидят, пьют кумыс киргизы-охотники, и среди них на самом почетном месте сидит и ест кувардак из жеребенка самый главный любитель охоты, владелец пяти тысяч голов лошадей, наш почетный гость Мамырхан. Он глаз не сводит с орла, и чуть только тот успокоится, делает знак, и киргиз дергает за веревочку.

Наелись охотники баранины и жеребятины, напились кумысу, улеглись спать, но и тут нет покоя орлу: кому надо бывает по своей нужде выйти из юрты, проходя, непременно дернет за бечеву, и орел на пол юрты взмахнет крыльями; кому забота на душе и надо проверить, все ли целы бараны, не крадутся ли волки, — тот, проходя мимо орла, непременно потрясет веревку.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНЫЙ АРАБ	5
ЖЕНЬ-ШЕНЬ	41
ЛЕСНАЯ КАПЕЛЬ	
Фацелия (<i>Поэма</i>)	123
Лесная капель	163
КЛАДОВАЯ СОЛНЦА. <i>Сказка-быль</i>	253
РАССКАЗЫ	
Голубая стрекоза	297
Лисичкин хлеб	299
«Изобретатель»	300
Синий лапотъ	303
О чем шепчутся раки	306
Хромка	308
Филин	309
Как заяц сапоги съел	311
Хлопунки	317
Этажи леса	318
Золотой луг	320
Гаечки	321
Еж	322
Пиковая Дама	324
Курица на столбах	327

Содержание

Терентий	329
Дедушкин валенок	331
Журка	333
Разговор птиц и зверей	334
Зайцы-профессора	336
Лимон	339
Медведь	343
Охотничьи собаки	345
Лада	347
Кэт	349
Нерль	357
Белая радуга	364
Первая стойка	369
Ужасная встреча	371
Школа в кустах	373
Соловей-топограф	376
Ярик	378
Предательская колбаса	383
Верный	386
Друг человека	392
Вася Веселкин	394
Кадо	400
 ИЗ КНИГИ «ГЛАЗА ЗЕМЛИ»	
Жизнь дерева	403
Времена года	424
 МИРСКАЯ ЧАША. 19-й год XX века	 483
 О. В. Астафьева. «...В мире все неповторимо...»	 567